

Павлов С. Г. Образ Святой Руси в поэме А. Блока «Двенадцать»: опыт лингвистической герменевтики / С. Г. Павлов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 157—175. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175.

Pavlov, S. G. (2022). Image of ‘Holy Russia’ in A. Blok’s Poem “The Twelve”: Experience of Linguistic Hermeneutics. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 157-175. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-157-175

Образ Святой Руси в поэме А. Блока «Двенадцать»: опыт лингвистической герменевтики

Павлов Сергей Геннадьевич ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8622-9022

Researcher ID V-6985-2018

кандидат филологических наук, доцент
sergeypavlov70@mail.ru

¹Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

²Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 2001200310

Image of ‘Holy Russia’ in A. Blok’s Poem “The Twelve”: Experience of Linguistic Hermeneutics

Sergey G. Pavlov ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-8622-9022

Researcher ID V-6985-2018

PhD in Philology, Associate Professor
sergeypavlov70@mail.ru

¹Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

²National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The reported study
was funded by RFBR,
project number 20-012-00310

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено поэме А. Блока «Двенадцать». Новизна исследования состоит в применении лингвогерменевтического подхода к толкованию поэмы и обращении к её недостаточно изученному аспекту — идеологеме «Святая Русь». Актуальность работы обусловлена не ослабевающим до настоящего времени вниманием к поэме, обусловленным как её содержанием, так и своеобразием языка. Приведён обзор научной литературы по выбранной проблематике, демонстрирующий преимущественно литературоведческий интерес к поэме. Кратко сформулирована специфика лингвистической герменевтики художественного текста, ориентированной на максимальное приближение к авторскому замыслу. Обоснована необходимость обращения лингвистической герменевтики к биографическим и культурно-историческим материалам. Основными методиками исследования стали структурно-семантический анализ и анализ внутритекстуальных парадигматических отношений. Показано, что оппозиция *Святой Руси* и нового мира маркирована различными языковыми и образными средствами. Продемонстрированы семантически инверсированные интертекстуальные связи между *Петрухой* и апостолом Петром. Сделан вывод о том, что *Святая Русь* представляет собой единственного серьёзного оппонента нового мира. Высказано предположение, что преобразённые ценности *Святой Руси* станут элементом будущей русской культуры.

Ключевые слова:

А. Блок; поэма; Двенадцать; интерпретация; герменевтика; лингвистическая герменевтика; Святая Русь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The research is devoted to of A. Blok's poem "The Twelve". The novelty of the study lies in the application of a linguo-hermeneutic approach to the interpretation of the poem and the appeal to its insufficiently studied aspect — the ideologeme "Holy Russia". The relevance of the work is due to the attention to the poem that has not weakened to date, due to both its content and the originality of the language. A review of the scientific literature on the selected issue is given, demonstrating a predominantly literary interest in the poem. The specificity of the linguistic hermeneutics of a literary text, focused on the maximum approximation to the author's intention, is briefly formulated. The necessity of addressing linguistic hermeneutics to biographical and cultural-historical materials is substantiated. The main research methods were structural-semantic analysis and analysis of intra-textual paradigmatic relations. It is shown that the opposition of *Holy Russia* and the new world is marked by various linguistic and figurative means. Semantically inverted intertextual connections between *Petrukha* and the Apostle Peter are demonstrated. It is concluded that *Holy Russia* is the only serious opponent of the new world. It is suggested that the transformed values of *Holy Russia* will become an element of the future Russian culture.

Key words:

A. Blok; poem; Twelve; interpretation; hermeneutics; linguistic hermeneutics; Holy Russia.

Образ *Святой Руси* в поэме А. Блока «Двенадцать»: опыт лингвистической герменевтики

© Павлов С. Г., 2022

1. Введение = Introduction

Языковые единицы в художественном произведении образуют уникальную систему сочетаний и оппозиций, во взаимодействии которых рождаются специфические знаки художественного текста — образы. Индивидуальная реализация системы языка создаёт смысловой объём текста, в котором авторская установка скрыта под уровнем фактуальной информации. Специфическая организация позволяет информационно насыщать художественный текст, не прибегая к его удлинению, что генерирует имплицитные смыслы, не вычитываемые с помощью стандартной читательской компетенции.

Концептуальная информация художественного текста возникает не в дискретной семантике языковых форм, а в их творческом синтезе, осуществляемом авторским художественным сознанием. Она появляется в результате взаимодействия языковой семантики, внетекстовых сведений и авторской интенции, превращающей линейную организацию языковых знаков в нелинейный комплекс смыслов. Отсюда следует тривиальный методологический вывод, обещающий нетривиальные герменевтические результаты: интерпретация художественного текста с необходимостью предполагает лингвистические методики.

Поэма А. Блока «Двенадцать» имеет массу интерпретаций, с наглядностью демонстрирующих одно из герменевтических положений: художественный текст обретает историю в процессе рефлексии над ним. Каждая эпоха, каждое индивидуальное сознание видит в тексте уникальную конфигурацию смыслов, обнаруживая в ней что-то новое, ранее не замеченное. Интерес к поэме «Двенадцать» свидетельствует о том, что поднятые в ней проблемы выходят за рамки современной Блоку политической повестки.

Каждое обращение к поэме вызвано стремлением эстетической рецепции исчерпать неисчерпаемость содержания художественного текста. В нашем случае оно обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, несмотря на большое количество посвящённых поэме работ, идеологема «Святая Русь» остаётся на исследовательской периферии, в то время как, на наш взгляд, именно она представляет собой одну из доминант текста. Во-вторых, почти все просмотренные нами интерпретации получены на основе литературоведческого или семиотического анализа.

Таким образом, новизна настоящей работы заключается в попытке ранее почти не используемым инструментарием реконструировать в блоковом тексте неочевидные смыслы, обойдённые вниманием в литературоведческих штудиях. Цель исследования — представить лингвогерменевтическое прочтение поэмы «Двенадцать» посредством апелляции к идеологеме «Святая Русь».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили канонический текст поэмы А. Блока «Двенадцать» и её черновые варианты. В качестве источников использовались публицистические работы, дневники и записные книжки поэта.

Исследователи, обращающиеся к поэме «Двенадцать», используют в основном традиционный литературоведческий анализ: [Богданова, 2018; Бродский, 1995; Жирмунский, 1922; Климова, 2007; Лотман и др., 2001; Розенблюм, 1994; Сарычев, 2020; Сокурова, 2012; Стратановский, 1991; Щербак, 2018]. Исключение составляет лингвистическая работа М. И. Лекомцевой [Лекомцева, 2016]. В гуманитаристике выбор исходной аксиоматики и метода оказывает значительное влияние на обнаружение тех или иных параметров изучаемого объекта. Литературоведческий анализ художественного текста даёт один результат, лингвистический — другой. В свою очередь разные лингвистические методы моделируют разные аспекты текста. Толкование с преимущественным анализом языковых (текстуальных) данных мы называем *лингвистической герменевтикой художественного текста* (ЛГХТ).

ЛГХТ представляет собой совокупность лингвистических методик, ориентированных на максимальное приближение к авторскому замыслу в границах смыслового диапазона, который можно приписывать автору. По отношению к творчеству Блока, часто не объяснявшего, что именно он имел в виду и разрешавшего противоположные толкования своих произведений [Блок, 1997, с. 652—653], реконструкция авторского замысла приобретает некоторую условность.

Адекватный интерпретационный диапазон определяется герметической рамкой текста и экстралингвистическими факторами, привлекаемыми в качестве его информационного фона (личность автора, биографические данные, социокультурная среда, специфика литературного направления, жанра произведения и т. п.). Лингвогерменевт обращается к нелингвистическому материалу, не переставая быть лингвистом в своих приоритетных задачах и используемых методах. Точно так же остаётся литературоведом филолог, в целях толкования применяющий элементы лингвистического анализа и привлекающий сведения из самых разных сфер жизни.

На наш взгляд, внетекстуальная информация лингвогерменевтически существенна и во многих случаях без интерпретационных потерь проигнорирована быть не может. Её можно, *mutatis mutandis*, аналогизировать прагматическим условиям коммуникации. Экстралингвистический фон художественного текста выполняет функцию эксплицированной пресуппозиции, на основе которой интерпретируются языковые данные, а вместе с тем он служит и способом верификации интерпретационных версий. Подробнее о принципах ЛГХТ см. в работах [Павлов и др., 2020; Павлов, 2021; Павлов и др., 2021].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ Святой Руси

Ведущий конфликт поэмы основан на столкновении старого и нового мироустройства. В оппозиции «старый мир vs новый мир» эксплицирован только первый член оппозиции (*старый мир*). Второй, олицетворяемый красноармейским патрулём, прямо не называется. Старый мир включает духовную и материальную составляющие, знаками которых являются соответственно словосочетание *Святая Русь* и существительное *буржуй*. Стоит оговориться, что данная оппозиция в контексте поэмы, возможно, отчасти нейтрализована. Ко времени её написания слово *буржуй* (*буржуа* — ‘представитель класса буржуазии; собственник-эксплуататор’ [БАС, 1950, с. 697]) приобретает в узусе расширенную денотативную отнесённость: «Буржуйем называется всякий, кто накопил какие бы то ни было ценности, хотя бы и духовные» [Блок, 1965, с. 377]. Красноармейцы называют *буржуйем* «разбогатевшего» *Ваньку*. Таким образом, в строчках *Мы на горе всем буржуйам Мировой пожар раздуем*¹ речь может идти обо всех, кто материально и / или духовно богаче красноармейцев.

М. И. Лекомцева обратила внимание на то, что представители старого мира не стоят на ногах [Лекомцева, 2016, с. 517]. Другим признаком надвигающейся гибели «буржуазного» мира является его находящаяся на грани распада коммуникация. Новый мир формулирует идеи (*Вся власть Учредительному Собранию!*) и лозунги (*Вперёд, вперёд, Рабочий народ!*); старый — стоит *безмолвный, как вопрос*. Все неанонимные представители старого мира лишены внятной коммуникативности: *писатель-вития* говорит *вполголоса* (импликативные смыслы ‘не слышно для других’ и ‘неконструктивно’); *старушка* «не видит» текста плаката; священник (*долгопольный, поп*) и *буржуй* совсем не получают голосов; *барыня* успевает только произнести *Уж мы плакали, плакали и падает*. *Старый мир* сравнивается

¹ Поэма «Двенадцать» цитируется по изданию: [Блок, 1999].

с голодным, безродным псом и волком. Зооморфные сравнения дополняют картину обречённости диалога между отживающим и рождающимся. Красноармейцы в монологическом режиме грозят *псу* и *старому миру*:

— *Отвяжись ты, шетудивый,
Я штыком пощечочу!
Старый мир, как пёс паршивый,
Провались — поколочу!*

Несмотря на явные признаки деградации, одряхлевшая Россия таит угрозу революции. В прицел красноармейцев попадает каждый подозрительный, но в качестве объекта стрельбы названа только *Святая Русь*. М. Н. Климова приводит мнение первого текстолога «Двенадцати» П. Н. Медведева, согласно которому начало работе над поэмой было положено строчками *Товарищ, винтовку держи, Не трусь Сразим мы пулей Святую Русь* [Климова, 2007, с. 51]. Исходящая от *Святой Руси* угроза обусловлена приоритетом духовного начала перед материальным: власть сакральной идеи сильнее власти денег. Формулирует правила жизни Церковь, *буржуй* лишь собирает капиталы. В поэме пять раз встречается слово *враг* — трижды с эпитетом *неугомонный*, по одному разу с эпитетами *незримый* и *лютый*. За первым случаем употребления слова *враг* следует конкретизация:

*Революционный
держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь...*

В параллельной связи предложений последовательно реализованы причинные, следственные и целевые смысловые отношения: *Революционный держите шаг!* [потому что] *Неугомонный не дремлет враг!* [поэтому] *Товарищ, винтовку держи, не трусь!* [чтобы выстрелить] *в Святую Русь*. Абстрактный *неугомонный враг* вполне определён. *Старый мир* дискредитируется уничижительными зооморфными сравнениями, его обещают *поколочить*. *Святая Русь* вызывает страх. В неё собираются стрелять, а предваряется убийство ободряющим императивом *не трусь*. Природа данного страха в священном ореоле, окружающем Церковь в сознании народа, расценивающего выступление против неё как кощунство и богоборчество. Благоговейный страх перед *Святой Русью* санкционирован высшим авторитетом, и это делает её в глазах красноармейцев особенно опасной. Видимо, под *лутым* и *незримым врагом* подразумевается тоже она. *Буржуй* осязаемо конкретен и, как уличный пёс, почти безвреден. *Святая Русь* абстрактна и неуловима. Она невидимо живёт в человеке. С её идеократией

и вступают в бой революционеры, что изображено в образе *Петрухи* (см. ниже).

На имплицитном уровне оппозиция «Святая Русь vs новый мир» дана в самом начале поэмы. В первой строфе мир концептуализируется как творение Бога и вводятся органичные для Святой Руси «географические» координаты: *Ветер, ветер — На всём Божьем свете!* Интерпретация иногда должна учитывать потенциальные варианты текста — парадигматику написанного и возможного. Авторский выбор способен подсказывать толкование. Осуществляя селекцию варьируемых компонентов в клишированном выражении *белый / Божий свет*, Блок останавливается на втором модификаторе, хотя ритм стихотворения к этому не вынуждает. В ритмическом отношении словоформа *белом (свете)* тождественна варианту *Божьем* и несколько предпочтительнее его в эвфоническом плане. Причём отказ от слова *белый* не продиктован желанием избежать лексического повтора. В черновом варианте, где слово *белый* отсутствует (*Тёмный вечер И снег*), тоже стоит *На всём Божьем свете* [Блок, 1999, с. 118].

Аксиологическим диссонансом к первой звучит вторая строфа, где представлена альтернативная традиционной система ценностей. В пространстве *Божьего мира* задаются новые нравственные координаты:

Под снежком — ледок.

Сколько, тяжко,

Всякий ходок

Скользит — ах, бедняжка!

В деминутивах (*снежок, ледок, бедняжка*), в семантическом контрасте однородных членов (*сколько* — небольшое физическое неудобство, *тяжко* — ментальная скорбь), в междометии *ах* слышится ирония над человеком. Ирония то ли легкомысленная, действительно не понимающая масштаба событий, то ли предельно злобная, сознательно сводящая драматизм ситуации к метеорологическим условиям и мелким неприятностям. В любом случае повествователь отказывается от традиционной нравственности, запрещающей не только глумление над экзистенциальными запросами человека, но и насмешку над его бытовыми проблемами.

Атрибутивные признаки *Святой Руси* (*кондовая, избяная, толстозадая*) распределены между *старушкой* и *попом*. *Старушка* иллюстрирует первые два. Экспликация эмотивного потенциала обоих прилагательных вполне очевидна. В употреблении красноармейцами прилагательного *кондовый* («2. Перен. Старинный, исконный» [ССРЛЯ, т. 5, стб. 1282]) актуализированы пейоративные коннотативно-ассоциативные смыслы ‘отсталая’, ‘невежественная’, коррелирующие с рядом аналогичных коммуникативных смыслов прилагательного *избяная* > ‘деревенская’ > ‘неграмотная’,

‘невежественная’. *Старушка*, возможно, неграмотная буквально. Она видит в плакате только материю, которая, по её мнению, пригodiлась бы на *портянки*.

Старушка произносит две фразы, и обе со вздохом:

— *Ох, Матушка-Заступница!*

— *Ох, большевики загонят в гроб!*

Междометие *ох* (семантика страдания) противопоставляет носителя культуры Святой Руси её антагонистам с их междометием *эх* (семантика пьяного разгула): *Эх, эх, без креста! Эх, эх, согрешил!* и т. п. Даже контекстуально ожидаемое междометие *ох* заменяется в частушке о красноармейцах на междометие *эх*: *Эх ты, горе-горькое...*

Священник в поэме назван двумя пейоративными номинациями — *долгополый* и *товарищ поп*. В этом карикатурном образе профанируется Святая Русь и её структурообразующий элемент — Церковь. Блок очень критично относился к духовенству, называя его сословием «нравственно тупых людей» [Блок, 1963б, с. 329—330]. По его мнению, в своём современном виде Церковь не служила интересам народа и не имела морального права на роль его руководителя: «Религия — грязь (попы и пр.)» [Блок, 1963б, с. 326]. Эта позиция художественно сконцентрирована в двух ключевых словах поэмы — *вперёд* и *вперед*.

Наречие *вперёд* обозначает вектор движения. *Вперёд* идут красноармейцы. Использовано оно и в описании главного представителя *Святой Руси* — *попа*:

Помнишь, как бывало

Брюхом шел вперёд,

И крестом сияло

Брюхо на народ?

Слово *живот*, присутствующее в черновом варианте, заменено в итоге на просторечное *брюхо*, чтобы подчеркнуть плотоугодие и духовную пустоту духовенства. Обёмистый живот священника предполагает корреляцию с одним из признаков *Святой Руси*, обозначенным прилагательным *толсто-задая*. Во время Крестного хода Крест как символ страданий несут впереди, символически указывая людям путь, которым они должны идти вслед за Христом. У Блока крест, сияющий на выдвинутом *вперёд* животе *попа*, следовательно, тоже движется «вперед», но навстречу народу. В лице священнослужителя *Святая Русь* идёт *на народ* (имплицативный смысл ‘против народа’), а крест его слепит (имплицативный смысл ‘нравственно ослепляет’).

Наречие локативной семантики *вперед* обозначает в тексте поэмы первенствующую роль субъекта движения. К слову *вперед* устремлён весь сюжет. Оно становится последним апеллятивом текста. После него лишь

имя собственное — *Исус Христос*. Новый мир вступает в борьбу с символикой *Святой Руси*, метонимически обозначающей её идеологию. Место креста на животе священника занимает новый путеводный символ — *коровякий флаг* в руках Христа, идущего перед разрушителями *Святой Руси*.

Социальный катаклизм и сопутствующая ему ревизия ценностей проходят на фоне ветра и вьюги. Блоковский символизм обретает фольклорную форму природно-психологического параллелизма: внутренний мир человека описывается через образы природы. Амбивалентный образ очищающей стихии и смерти представляет собой метель.

Для *Святой Руси* метель революции превращается в препятствие на пути — сугроб. Через сугроб *перемотнулась* старушка, за сугроб шагнул *долгополый (поп)*. В существительном *сугроб* Блок, вольно или невольно, кодирует мотив смерти. Атрибутивные признаки слова *сугроб* создают образ могилы. В плеоназме *сугроб холодный* воплощена устойчивая фольклорно-поэтическая формула могилы (склепа); словосочетание *сугробы пуховые* ассоциативно связано с ритуальным оборотом *земля пухом*. В эпизоде со *старушкой* слово *сугроб* рифмуется со словом *гроб*. В сцене убийства *Катки* пуля попадает в сугроб: *Вскрутился к небу снежный прах!*. Культурно-семантический потенциал слова *прах* включает смысловые обертоны, связанные со смертью: *прах* ‘тело человека после смерти; труп, останки’ [СССРЛЯ, т. 11, стб. 63]; *прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3:19) и т. п.

Таким образом, сугроб выполняет функцию своеобразной границы между миром «мёртвых» (*Святая Русь*) и «живых» (красноармейцы).

3.2. Образ нового мира

Грозная ветровая стихия (*на ногах не стоит человек*) приняла вселенский размах (*На всём Божьем свете!*). За счёт обстоятельства *на всём Божьем свете* в слове *человек* референция к прохожему ослабляется и актуализируется родовая семантика ‘человек (вообще)’. Масштаб происходящего укрупняется. Хронотоп повествования теряет пространственную и временную локализацию. События происходят конкретным вечером, но идущим красноармейцам *вьюга пылит*:

*Дни и ночи
Напролёт!...*

Снежный ветер — безличная стихия революции. Из него появляется революционный патруль:

*Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.*

Ветер враждебен к прохожим и проповедует революцию:
*Крутит подолы,
Прохожих косит.*

Рвёт, мнёт и носит

Большой плакат:

«Вся власть Учредительному Собранию!»

Предикаты существительного *ветер* коррелируют с аксиологической позицией повествователя, который посмеивается (или злорадствует) над человеком старого мира, оставшегося один на один со стихией: *Ветер весёлый. И зол и рад.*

В лице двенадцати стихия персонифицируется. Существительное *ветер* и слова, относящиеся к красноармейцам, имеют общую сочетаемость с глаголом *гулять*: *Гуляет ветер — Гуляет нынче голытьба!*; *Гуляй, ребята, без вина!* Наличие общего процессуального признака допускает и противоположную трактовку — деперсонификацию красноармейцев. В них представлена гипертрофированная идеология революции и классовой вражды. У них отсутствуют нормальные эмоциональные реакции. В период слома мироустройства жизнь и здоровье человека теряют прежнюю значимость. В дальнейшем повествовании этот едва намеченный во второй строфе мотив становится явным. Один красноармеец цинично спрашивает убитую: *Что́, Катька, рада?* Второй использует по отношению к ней бранное слово: — *Ни гу-гу... Лежи ты, падаль, на снегу!* Блок, открыто и активно симпатизировавший восставшим, видимо, понимал, что революционное время не просто дезавуирует ценности Святой Руси. Оно призвано изменить природу человека, самые естественные проявления психической жизни которого сверяются с логикой революции и объявляются ненужными, если в неё не укладываются.

Красноармейцы олицетворяют не сам новый мир, временная и пространственная локализация которого определяется наречиями *вперед* и *вдали*, а переходную фазу к нему. В ней традиционные ценности меняют знак. Теперь можно не риторически спросить невольного убийцу своей возлюбленной о причине его переживаний:

— *Что, товарищ, ты не весел?*

— *Что, дружок, оторопел?*

— *Что, Петруха, нос повесил,*

Или Катьку пожалел?

Только третьему вопрошающему приходит в голову столь очевидная причина. Товарищам *Петрухи* его жалость к убитой *Катьке* кажется неуместными сантиментами:

— *Не такое нынче время,*

Чтобы нянчиться с тобой!

Революционная эпоха возводит в статус нормы неприемлемые в русской культуре поведенческие мотивы и психологические состояния, что

отражено в языке поэмы аксиологическими аномалиями. Глагол (*по*)*блудить* воплощает потенциальную возможность императива, не реализованную ранее по этическим соображениям: *С офицерами блудила — Поблудика, поблуди!; Эх, эх, поблуди!* В русской языковой картине мира, отражающей аксиосферу Святой Руси, грех концептуализируется как тяжесть на душе, а облегчают её покаянием: *взять (принять) грех на душу, снять грех с души, облегчить душу раскаянием* и т. п. У красноармейцев наоборот: *Эх, эх, согрешил! Будет легче для души!* В декларации нравственной максимы *Позабавиться не грех!* глагол *позабавиться* получает коммуникативные смыслы ‘грабёж’ (*Нынче будут грабежи*) и ‘пьяный разгул’, на что указывает глагол *гулять* в контексте фразы *Отмыкайте погреба*. Словосочетания *чёрная злоба* и *святая злоба* синонимизируются.

3.3. Образ Иисуса Христа

Иисус Христос — освящающее Русь *святое имя*, без и против которого идут в будущее красноармейцы. Христос в блоковской трактовке далёк от канонического образа. Для Блока Он не живая Личность и глава Церкви: «Как вообще можно одновременно ненавидеть и любить? Если это прощается на “отвлечённое”, вроде Христа, то, пожалуй, можно...» [Блок, 1962, с. 25]. Вот эту «отвлечённую» идею Блок и воплощает в финале «Двенадцати». Новый мир не может без метафизической поддержки. Ему нужны связи с областью сакрального. Без них он онтологически нелегитимен. Красноармейцы данного понимания лишены. Но это лишь подчёркивает их функцию орудия исторического процесса — по сути, стихийного, несмотря на всю их целеполагающую активность.

На вопрос *что впереди?*, заданный в первой главе анонимно, как бы от лица улицы (= *старого мира*), ответ дается в последних строчках поэмы. В системе языка наречие *впереди* имеет пространственную и временную семантику. В тексте вопрос прочитывается в объектно-временном значении — ‘что будет дальше?’. С появлением Христа конвенциональная интерпретация осложняется субъектно-пространственной — ‘кто виден впереди?’:

Впереди — сугроб холодный. —

Кто в сугробе — выходи!

Впереди оказывается *Исус Христос*. Анализ черновиков поэмы показывает, что появление в её финале Христа не было внезапным озарением. Христос присутствует на ранних этапах работы над текстом [Блок, 1999, с. 309]. Но самому Блоку образ Христа казался неубедительным: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идёт с ними сейчас; а в том, что именно Он идёт с ними, а надо, чтобы шёл Другой» [Блок, 1963б, с. 326]. Почему Блок ищет «Другого»? *Вперёд* должен вести сакральный символ, свободный от церковных

ассоциаций, а Христос — неотъемлемая часть церковного сознания Святой Руси. В поэме образ Христа объединяют с образом Святой Руси лексические параллели: *пальнѣм-ка пулей в Святую Русь — от пули невредим; их винтовочки стальные на незримого врага — за вьюгой невидим*. «Другого» Блок так и не увидел.

У Христа и революции общая снежная природа. Красноармейцы принимают Его за ветер: *Это — ветер с красным флагом Разыгрался впереди...* Снежный ветер революции порождает нового «Христа» — Иисуса, который словно сооткался из метели:

*Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной*

В словосочетании *снежной россыпью жемчужной* двусмысленно внутриадажное значение существительного. Его можно понимать как обстоятельственное значение места ('по снежной россыпи') или сравнительное ('подобно снежной россыпи'). Предпочтительнее второе прочтение, потому что в прилагательном *надвьюжной* обстоятельство места уже выражено. Христос идёт *над* вьюгой, на какой бы высоте она ни мыслилась, и, следовательно, не по снежной россыпи.

«Надвьюжность» и эфемерность Христа можно понимать как то, что Он выше политических и церковных интересов. Блок, высказывавший неудовлетворённость образом Христа, тем не менее признаёт его закономерность: «Если бы в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно бы давно “учло” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”» [Блок, 1963б, с. 329—330]. В конструкции *Христос с красногвардейцами* реализованы несимметричные комитативные отношения, в художественной форме раскрытые в поэме. Христос с красноармейцами, в то время как они не с Ним. Красноармейцы идут *без имени святого* и отождествляют *Спаса* с иконостасом. Упомянувшего *Спаса Петьку* спрашивают:

*От чего тебя упас
Золотой иконостас?*

<...>

*Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?*

В результате редукции Христа к элементу храмового интерьера формально не связанные вопросы актуализируют имплицативный смысл 'Спас — это идол'. Спас не предотвратил убийство, потому что он не более чем *золотой иконостас*, и обращаться к нему не имеет смысла.

Если *старушка* и *поп* уходят за сугроб, то Христос выходит из него (*Кто в сугробе — выходи!*). Красноармейцы стреляют в *товарища*, но он

неуязвим. В этом выходе происходит «воскресение» «отвлечённой» идеи Христа [Блок, 1962, с. 25]. Блок видит Христа с теми, на чьей стороне правда. В таком понимании находит объяснение аксиологическое противоречие оксюморона *чёрная злоба, святая злоба*. Красноармейцы не носители правды. Они лишь инструмент истории по созданию будущей гармонии: «Большевизм (стихия) — к “вечному покою”... Это ведь только сначала — кровь, насилие, зверство, а потом — клевер, розовая кашка» [Блок, 1963а, с. 292]. *Чёрная злоба* движет революционерами в настоящем, а неведомый ими Христос освящает её следствия.

3.4. Образ *Петрухи*

Образ *Петрухи* — смысловой центр поэмы, определяющий развитие сюжета и авторскую логику. Он самый сложный её образ, в котором сталкиваются ценности Святой Руси и рождающегося в революционной буре мира. Если красноармейцы лишены внутренней динамики, то *Петруха* показан в разных, аксиологически полярных состояниях. В отличие от других красноармейцев, сосредоточенных исключительно на деле революции, он проявляет человеческие чувства (*Ох, товарищи, родные, Эту девку я любил...*). Его «классовая ненависть» имеет под собой личностную причину. Он ненавидит в *Ваньке* не *буржуя*, а соперника:

*Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!*

Петруха сохраняет рудиментарную церковность. Он молится (*Упокой, Господи, душу рабы твоя*), обращается к Спасу, хотя, возможно, и формально (*Ох, пурга какая, Спасе!*). Даже в своём откровенном бесчинстве он мыслит нравственными категориями Святой Руси, правда, наделяя их противоположным содержанием: *Позабавиться не грех!* Его понимание религиозно-этического концепта «грех» не включает грабёж и пьяное гуляние:

*Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!*

На языковом уровне *Петруха* противопоставлен новому миру посредством междометий *ах* и *ох*:

*— Из-за удали бедовой
В огневых её очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!*

Уже реализованная рифма *плеча / сгоряча* вдруг отвергается и подбирается рифма к словоформе *очах*. Вместо семантически необходимых при глаголе *загубил* субъектного или объектного актантов появляется междометие *ах*, вступающее в аксиологическую оппозицию к ироничному междометию *ах* в речи повествователя (*ах, бедняжка*). Занимая обособленную семантическую и ритмическую позицию, междометие *ах* подчёркивает специфику личности *Петрухи*, переживающего человеческую трагедию. В его душе жив гуманитарный комплекс Святой Руси, где совесть и милосердие были неотъемлемыми атрибутами человеческой личности.

Петруха, как и *старушка*, минимум дважды охает: *Ох, товарищи, родные; Ох, пурга какая, спасе!* Особенно показателен третий случай: *Ох ты горе-горькое!* Мы полагаем, что фраза принадлежит не *Петрухе*, а повествователю. Каждая строфа в монологе *Петрухи* заканчивается многоточием, а обрамляется он строфами без многоточия — авторскими. Лексический состав фразы *Ох ты горе-горькое!* повторяет частушечную строчку с междометием *эх*. Предваряя монолог *Петрухи*, фраза *Ох ты горе-горькое!* описывает его ментальное состояние и через междометие *ох* включает в контекст страданий *Святой Руси*. Не случайно начинает *Петруха* предвкушением мести (*Ужь я времячко Проведу, проведу...*), продолжает мыслью об убийстве (*Ужь я ножичком Полосну, полосну!...*), а заканчивает молитвой (*Упокой, Господи, душу рабы твоя...*).

Петруха очевидным образом сближается с апостолом Петром на основании своего имени и числа красноармейцев. Между персонажем Блока и апостолом наблюдаются и более глубокие, семантически инверсированные переключки. Апостол Пётр, защищая Спасителя в Гефсиманском саду, отсёк одному из пришедших за Ним ухо (Ин. 18:10). Христос велит вложить нож в ножны, и Пётр повинуется. *Петруха* не только не оставляет ножа (им он убил офицера), но и, отстаивая свою любовь, добавляет к ножу ружьё.

В образе *Петрухи* в зеркальном виде отображён мотив отречения и раскаяния Петра. Апостол трижды отрекается от Христа и начинает *плакать* (Мк. 14:72). *Петруха* трижды «отрекается» от дела революции — сожалением о погибшей, молитвой о ней и упоминанием *Спаса*. После первого «отречения» *Петруха* слушает увещания товарищей и «раскаивается». Выражается это глаголом, обозначающим противоположное апостольскому состоянию (*повеселел*). На фразу *Упокой, Господи, душу рабы твоя...* реакции красноармейцев нет, что говорит в пользу мысленной молитвы *Петрухи* или авторского всеведения о его переживаниях. В третий раз *Петруха* выходит за границы революционной идеологии обращением *Спасе*. После «аргументированного» выговора товарищей (*От чего тебя упас Зо-*

лотой иконостас?) он окончательно приходит в себя, вторично «раскаивается», знаком чего становится его возвращение в строй.

Все названные по имени персонажи дифференцированы через коннотации гипокористических имён. Маркером «наших» является дружелюбно-фамильярный суффикс *-ух-* (*Андрюха, Петруха*). Пренебрежительно-уничижительный суффикс *-к-* обозначает «не наших» — *Катьку* и *Ваньку*. (Единственное исключение — использованный одним из красноармейцев вариант *Ванюшка*). Патрульный «Пётр» по имени назван четырежды — по два раза *Петруха* и *Петька*. Обыденно-нейтральное и сочувственное отношение к Петру выражается именем *Петруха: Петруха, сзади забегай!..; Что, Петруха, нос повесил*. Имя *Петька* используется в контексте критического к нему отношения, возникающего после выяснения причины его скорби: — *Ишь, стервец, завел шарманку, Что ты, Петька, баба, что ль?* Второй раз имя *Петька* звучит в ответ на религиозную лексику: *Ох, пурга какая, Спасе!*

Суффиксы субъективной оценки обнаруживают ещё одну интертекстуальную связь с Евангелием. Рыбак Симон проходит антропонимическую инициацию, по велению Христа становясь апостолом Петром (др.-греч. *Πέτρος* ‘камень’) (Мф. 16:18). После воскресения Иисус является апостолом и трижды называет Петра старым именем *Симон*, как бы указывая на его троекратное падение (Ин. 21: 15—17). «Апостол» *Петруха* лишается апостольского статуса посредством обращения *Петька*. Снова вливается он в ряды апостолов революции уже безымянным, деперсонифицированным.

После убийства *Петруха* то ли возглавляет товарищей, то ли обгоняет их сбоку. В любом случае на время он оказывается вне строя красноармейцев: *Всё быстрее и быстрее Уторапливает шаг*. Словосочетание *уторапливает шаг* контекстуально антонимично словосочетанию *революционный шаг*. *Петруха* жалеет *Катьку*, а заодно и себя, но по-настоящему он не раскаивается: его скорбь заканчивается вспышкой жестокой радости. Если бы он действительно раскаялся, ему пришлось бы расстаться с красноармейцами. Они не потерпели бы в своих рядах *бессознательного* бойца. И всё-таки, как только он вспоминает об убитой, звучит *Упокой, Господи, душу рабы твоея...*

Блок полагал, что нужно полностью отказаться от обещавшего наследия *Святой Руси*. Но он ставит во главе красноармейцев Христа, потому что кто-то должен принести в новый мир обновлённые сакральные ценности. Возможно, именно *Петруха*, как более сложная и эмоционально богатая, чем его товарищи, натура, призван стать камнем новой Церкви, возглавляемой ушедшим из *Святой Руси Иисусом Христом*.

4. Заключение = Conclusions

Лингвогерменевтический анализ поэмы «Двенадцать» демонстрирует высокую продуктивность метода, ещё не получившего среди специалистов, занимающихся художественным текстом, должного признания. По мысли Блока, век *Святой Руси* закончился. Но она укоренена в сакральном, а для символиста Блока именно невидимая область символических смыслов сообщает миру его онтологическую легитимность. Красноармейцы духовно слепы и не нуждаются во Христе. Тем не менее устанавливаемый ими новый миропорядок должен получить на своё существование Его санкцию.

Основные выводы, полученные лингвогерменевтическим прочтением поэмы, сводятся к следующему:

1. *Святая Русь* — единственный реальный оппонент красноармейцев (нового мира). Пять раз встречающееся в тексте слово *враг* является имплицитным оценочным предикатом словосочетания *Святая Русь*.

2. Диалог *Святой Руси* с новым миром практически невозможен (ущербная коммуникация её представителей, зооморфные сравнения). Выразитель идеологии *Святой Руси* Церковь, метонимически представленная в образе *попа*, идёт против народа и духовно его ослепляет (*И крестом сияло Брюхо на народ*).

3. *Святая Русь* противопоставлена красноармейцам посредством различных языковых средств, отражающих ценностный антагонизм оппонентов: междометия (*ох* ‘страдание’ vs *эх* ‘пьяный разгул’; *ах* ‘сожаление’ vs *ах* ‘ирония’); отсутствие / наличие аксиологически аномальной грамматической формы (* *поблуди-ка* (*Святая Русь*) vs *поблуди-ка* (красноармейцы)); неузуальные коммуникативные смыслы глагола *позабавиться*, существительного *грех* и др.

4. Место священника с крестом на выдвинутом *вперёд* животе занимает идущий *впереди* красноармейцев с кровавым флагом *Исус Христос*, сакральным авторитетом освящающий *чёрную злобу* красноармейцев.

5. Рудиментарное и деформированное мировоззрение *Святой Руси* представлено в *Петрухе*, между которым и апостолом Петром существуют отчётливые интертекстуальные связи. *Петруха*, как можно предполагать, есть камень будущей «Церкви» — основание новой «Святой Руси».

Источники и принятые сокращения

1. Блок А. А. Дневник 1917 года / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1963а. — С. 254—312.

2. Блок А. А. Дневник 1918 года / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7. Автобиография 1915. Дневники 1901—1921. — Москва ; Ленинград : Гослитиздат. Ленингр. отд., 1963б. — С. 313—350.

3. Блок А. А. Другие редакции и варианты / А. А. Блок // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 2. Стихотворения. Книга вторая. — Москва : Наука, 1997. — С. 221—516.

4. Блок А. А. Записные книжки 1901—1920 / А. А. Блок. — Москва : Художественная литература, 1965. — 663 с.

5. Блок А. А. Искусство и революция / А. А. Блок // Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. Проза 1898—1921 гг. Москва ; Ленинград : Гослитиздат. Ленингр. отд., 1962. — С. 21—25.

6. Блок А. А. Н. М. Минский. Религия будущего (философские разговоры). Санкт-Петербург, 1905 / А. А. Блок // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 7. Проза (1903—1907). — Москва : Наука, 2003. — С. 176—179.

7. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 5. Стихотворения и поэмы / А. А. Блок. — Москва : Наука, 1999. — 564 с.

8. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышёв. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965.

Литература

1. Богданова О. В. Мистико-гностическая система мира М. Горького и А. Блока / О. В. Богданова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2018. — Т. 19, № 3. — С. 300—314.

2. Бродский М. А. Образ Христа в поэме Александра Блока «Двенадцать» / М. А. Бродский // Русская словесность. — 1995. — № 6. — С. 41—45.

3. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока / В. М. Жирмунский. — Петербург : Карточный домик, 1922. — 103 с.

4. Климова М. Н. Между Кудеяром и Власом (к вопросу о финале поэмы А. А. Блока «Двенадцать») / М. Н. Климова // Сибирский филологический журнал. — 2007. — № 2. — С. 50—55.

5. Лecomцева М. И. Поэма Блока «Двенадцать»: семантика грамматики / М. И. Лecomцева // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2016. — № 9. — С. 514—523.

6. Лотман Ю. М. Игровые мотивы в поэме «Двенадцать» / Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — Санкт-Петербург : Искусство—СПб, 2001. — С. 53—63.

7. Павлов С. Г. И. Бродский «На смерть Жукова» : опыт лингвистической герменевтики / С. Г. Павлов, Е. И. Бударagina // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 4. — С. 210—216.

8. Павлов С. Г. А. Ахматова. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»: опыт лингвистической герменевтики / С. Г. Павлов // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2021. — Т. 21, № 2. — С. 70—80. — DOI: 10.37482/2687-1505-V089.

9. Павлов С. Г. Инфернальные локусы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / С. Г. Павлов, Е. Д. Фомичёва // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2021. — № 5. — С. 209—217.

10. Розенблюм Л. «Да. Так диктует вдохновение...» (Явление Христа в поэме Блока «Двенадцать») / Л. Розенблюм // Вопросы литературы. — 1994. — № 6. — С. 118—152.

11. Сарычев В. А. Финал поэмы «Двенадцать» в контексте историософии и религии А. Блока / В. А. Сарычев // Сарычев В. А. Метафизика русской литературы. Избранные

труды. — 2-е изд., испр. и доп. — Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 2020. — С. 207—222.

12. Сокурова О. Б. Блок — Россия — «Двенадцать» / О. Б. Сокурова // История и культура. — 2012. — № 9 (9). — С. 204—266.

13. Стратановский С. Г. Поэт и революция. Опыт современного прочтения поэмы А. Блока «Двенадцать» / С. Г. Стратановский // Звезда. — 1991. — № 11. — С. 150—161.

14. Щербак Н. Ф. Поэма Александра Блока «Двенадцать»: мистика сердца / Ф. Н. Щербак // Prosodia. — 2018. — № 8. — С. 100—108.

Material resources

Blok, A. A. (1962). Art and revolution. In: *Blok, A. A. Collected works. Prose 1898—1921*. Moscow; Leningrad: Goslitzdat. Leningrad branch. 8/6. 21—25. (In Russ.).

Blok, A. A. (1963a). Diary 1917. In: *Blok, A. A. Collected works*. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. 8/7. 254—312. (In Russ.).

Blok, A. A. (1963b). Diary 1918. In: *Blok, A. A. Collected works. Autobiography 1915. Diary 1901—1921*. Moscow; Leningrad: Goslitzdat. Leningrad branch. 8/7. 313—350. (In Russ.).

Blok, A. A. (1965). *Notebooks 1901—1920*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 663 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (1997). Other editions and variants. In: *Blok, A. A. Complete collection of works and letters in 20 vol. Poems. Book two*. Moscow: Nauka. 20/2. 221—516. (In Russ.).

Blok, A. A. (1999). *Complete collection of works and letters in 20 vol. Poems and poems*. Moscow: Nauka. 20/5. 564 p. (In Russ.).

Blok, A. A. (2003). N. M. Minskiy. Religion of the future (philosophical conversations). Sankt-Peterburg, 1905. In: *Blok, A. A. Complete collection of works and letters in 20 vol. Prose (1903—1907)*. Moscow: Nauka. 20/7. 176—179. (In Russ.).

SSRLYa — Chernyshev, B. I. (ed.). (1950—1965). *Dictionary of the modern Russian literary language A—B*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

References

Bogdanova, O. V. (2018). Mystic-gnostic system of the world by M. Gorky and A. Blok. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 19 (3): 300—314. (In Russ.).

Brodskiy, M. A. (1995). The image of Christ in Alexander Blok's poem "The Twelve". *Russkaya slovesnost'*, 6: 41—45. (In Russ.).

Klimova, M. N. (2007). Between Kudayar and Vlas (to the question of the finale of A. A. Blok's poem "The Twelve"). *Siberian journal of philology*, 2: 50—55. (In Russ.).

Lekomtseva, M. I. (2016). Blok's poem "The Twelve": the semantics of grammar. *Proceedings of the Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradova*, 9: 514—523. (In Russ.).

Lotman, Yu. M., Gasparov, B. M. (2001). Game motifs in the poem "The Twelve". In: *Lotman, Yu. M. History and typology of Russian culture*. St. Petersburg: Iskusstvo—SPB. 53—63. (In Russ.).

Pavlov, S. G., Budaragina, E. I. (2020). I. Brodsky. "On the death of Zhukov": experience in linguistic hermeneutics. *Vestnik of Lobachevsky university of Nizhni Novgorod*, 4: 210—216. (In Russ.).

Pavlov, S. G. (2021). A. Akhmatova. "Twenty first. Night. Monday...": the experience of linguistic hermeneutics. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series:*

- Humanities and social sciences*, 21 (2): 70—80. DOI: 10.37482/2687-1505-V089. (In Russ.).
- Pavlov, S. G., Fomicheva, E. D. (2021). Infernal loci in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". *Vestnik of Lobachevsky university of Nizhni Novgorod*, 5: 209—217. (In Russ.).
- Rozenblyum, L. (1994). "Yes. This is how inspiration dictates..." (The Appearance of Christ in Blok's poem "The Twelve"). *Voprosy literatury*, 6: 118—152. (In Russ.).
- Sarychev, V. A. (2020). The finale of the poem "The Twelve" in the context of historiosophy and religion of A. Blok. In: *Sarychev, V. A. Metaphysics of Russian literature. Selected writings*. (2nd ed.). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 207—222. (In Russ.).
- Shcherbak, N. F. (2018). Alexander Blok's poem "The Twelve": mysticism of the heart. *Prosōdia*, 8: 100—108. (In Russ.).
- Sokurova, O. B. (2012). Blok — Russia — "The twelve". *History and culture*, 9 (9): 204—266. (In Russ.).
- Stratanovskiy, S. G. (1991). Poet and Revolution. The experience of modern reading of A. Blok's poem "The Twelve". *Zvezda*, 11: 150—161. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1922). *Poetry of Alexander Blok*. Peterburg: Kartonnnyy domik. 103 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.02.2022,
одобрена после рецензирования 12.05.2022,
подготовлена к публикации 01.06.2022.